

А.В. Архипов

СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНОВ «ИЗЪЯТИЕ» И «ОБРАЩЕНИЕ» ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА КАК ЭЛЕМЕНТОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ХИЩЕНИЯ

Рассматривается проблема определения содержания терминов «изъятие» и «обращение» чужого имущества, с помощью которых обозначается преступное деяние в легальном определении хищения, данном в п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ. Анализируются точки зрения по указанной проблеме, существующие в доктрине уголовного права, новеллы уголовного законодательства и судебная практика. Делается вывод о том, что в последние годы содержание указанных терминов существенно расширилось в связи с изменением представления о предмете хищения.

Ключевые слова: хищение; изъятие; обращение; действие; бездействие.

В пункте 1 примечания к ст. 158 УК РФ при описании объективной стороны хищений законодатель использует термины «изъятие» и «обращение». Именно изъятие чужого имущества у собственника (владельца) и обращение его в пользу виновного или иного лица являются сутью хищения. Без них хищение не может считаться не только оконченным, но и вообще совершенным даже в тех случаях, когда виновным производятся какие-то иные действия, направленные на изъятие и обращение чужого имущества (например, обман при мошенничестве).

Изъятие является существительным производным от глагола изъять, обозначающим исключение чего-либо, устранение, а также вообще удаление [1. С. 120]. В науке уголовного права понятие изъятия определяется по-разному. Так, например, Н.А. Лопашенко определяет изъятие как исключение имущества из владения собственника или законного владельца, устранение (удаление) последнего [2. С. 126]. С.А. Елисеев выделяет две стороны изъятия имущества – фактическую и юридическую. Под фактической стороной изъятия он понимает исключение имущества из сферы вещественного, имущественного обладания потерпевшего, а под юридической – уменьшение меры юридической власти, правового господства, закрепленной за субъектом-собственником того или иного имущества [3. С. 27].

Легальное определение хищения появилось в современном российском уголовном законодательстве в 90-х годах прошлого века. В те времена обязательность вещного признака имущества как предмета хищения под сомнение не ставилась, в связи с чем описание объективной стороны хищения в п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ было дано с учетом того, что предметом хищения может быть только вещь. Представляется, что изначальное значение термина «изъятие», которое было вложено в него законодателем в момент принятия УК РФ, заключалось в простом перемещении виновным в пространстве похищаемой им вещи. При таком понимании рассматриваемого термина выстраивалась конструкция, при которой в одних случаях похищаемое движимое имущество физически изымалось виновным из обладания потерпевшего, а затем присваивалась, т.е. обращалось в свою пользу или в пользу иного лица (как правило, это имело место при краже, мошенничестве, грабеже или разбое), в других случаях имущество обращалось в

пользу виновного или иных лиц без его физического перемещения виновным в пространстве, т.е. без изъятия (присвоение и растрата). Все что не укладывалось в приведенную схему, не должно было признаваться хищением, а для случаев незаконного завладения объектами гражданских прав, не имеющими физического признака, дабы не отходить от обязательности физического (вещного) признака имущества, было использовано понятие «приобретение права на имущество».

Порочность данной конструкции была быстро осознана исследователями. Так, еще в начале 2000-х гг. А.И. Бойцов обратил внимание на то, что изъятие чужого имущества толкуется законодателем в узко физическом смысле как противоправное извлечение (исключение, удаление, выведение) имущества из владения собственника с одновременным переводом его в фактическое незаконное обладание похитителя или других лиц. При этом он отмечал, что «трактовка изъятия как внешнего процесса воздействия на похищаемое имущество, связанного с извлечением имущества с места постоянного или временного его местонахождения и его унесением, ограничена правосознанием прошлого». Продолжая свою мысль, А.И. Бойцов приходит к выводу о том, что изъятием можно считать не только физическое извлечение и удаление из обладания какого-либо лица, но и юридическое обособление имущества, которое фактически уже находилось в обладании виновного на законных основаниях, а также «юридическое» изъятие, которое имеет место в случаях мошеннического завладения различного рода товарораспорядительными документами, передача которых согласно ч. 3 ст. 224 ГК РФ приравнивается к передаче вещи, а также завладение объектами недвижимости [4. С. 227].

З.А. Незнамова пишет о физическом и юридическом изъятии. При этом при физическом изъятии движимая вещь перемещается в пространстве, а при юридическом изъятии происходит переход собственности на недвижимое имущество, смена собственника [5. С. 269].

Представляется, что подход к определению термина «изъятие», предложенный указанными авторами, наиболее соответствует существующим реалиям и потребностям современной экономики, однако следует признать, что предложенное понимание изъятия во всех его разновидностях (физическом, формальном и

юридическом) противоречит действующей редакции п. 1 примечания к ст. 158 и ч. 1 ст. 159 УК РФ. Выделение в законе права на имущество в качестве отдельного предмета преступлений против собственности и противопоставление приобретения права на имущество хищению имущества препятствует квалификации противоправного оформления права на недвижимое имущество как хищения.

В последние годы с изменением понимания предмета хищения произошло и изменение понимания термина «изъятие». Так, применительно к хищению безналичных денежных средств под их изъятием понимается списание данных средств со счета потерпевшего. Очевидно, что никакого перемещения имущества в данном случае не происходит и не может произойти, так как безналичные денежные средства не материальны. Все, что происходит в реальной действительности, – это лишь изменение цифры в одной из граф бухгалтерской документации банка. Аналогичная ситуация имеет место при хищении бездокументарных ценных бумаг. Представляется, что для случаев хищения именных ценных бумаг и прав требования изъятием следует считать заключение договора цессии, условием которого является отчуждение соответствующих прав потерпевшим, а при хищении ордерной ценной бумаги изъятие происходит посредством нанесения на нее индоссамента.

Обращение является существительным производным от глагола обратить. Глагол обратить имеет множество значений, наиболее близким из которых для определения понятия хищения может быть такое значение, как «употребить, дать чему-нибудь назначение (например, обратить средства на улучшение оборудования)» [1. С. 434]. В уголовном праве под обращением понимается установление фактического незаконного господства виновного над чужим имуществом [6. С. 13], замена собственника или законного владельца на незаконного пользователя [7. С. 72] и т.п.

Существенным образом отличаются мнения ученых о том, обязательно ли для квалификации деяния как хищения и изъятие имущества, и его обращение в свою пользу, или окончанным хищением может быть признано в определенных случаях любое из этих деяний в отдельности. Поводом для возникновения данного спора послужило использование законодателем в определении хищения между терминами «изъятие» и «обращение» соединительного союза «и» и разделительного союза «или». Указанная редакция позволила некоторым авторам сделать вывод о том, что хищением может считаться изъятие имущества, обращение имущества, а также изъятие и обращение имущества [8. С. 190]. Другие авторы полагают, что в одних случаях (кража, грабёж) хищение должно включать в себя и изъятие чужого имущества, и его обращение виновным в свою пользу или в пользу третьих лиц, в случаях же мошенничества, присвоения и растраты изъятия чужого имущества не происходит, поскольку либо потерпевший сам передает имущество виновному (мошенничество), либо на момент начала реализации объективной стороны имущество уже находится во владении виновного (присвоение и растрата), а значит, хищение в таких случаях с объективной сто-

роны будет выражаться только в обращении чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц [6. С. 12; 9. С. 391; 10. С. 539]. Третьи полагают, что изъятие и обращение имущества представляют собой стадии совершения хищения и в отдельности характеризовать хищение не могут. Использование законодателем между ними разъединительного союза «или» сторонники этой точки зрения объясняют желанием подчеркнуть противоправный характер обоих стадий хищения [2. С. 126]. Следует согласиться с С.А. Елисеевым, полагающим, что такое разнообразие в интерпретации характера действий при хищении не может способствовать единообразному применению закона [3. С. 36].

В какой бы форме не совершалось хищение, оно всегда сопряжено с уменьшением имущественной массы собственника или владельца имущества. Имущественная масса потерпевшего состоит не только из того имущества, которым он непосредственно владеет в момент совершения у него хищения, но и из имущества, переданного им другим лицам, но продолжающего оставаться его собственностью. Таким образом, при хищении имущества у потерпевшего оно всегда исключается из его имущественной массы, просто в одних случаях изъятие этого имущества происходит лицом, у которого оно уже находится на момент начала реализации объективной стороны преступления, путем обособления этого имущества от иного имущества потерпевшего (присвоение, растрата, некоторые случаи краж), в других случаях исключение имущества из обладания потерпевшего производится не виновным лицом, а самим введенным в заблуждение потерпевшим (мошенничество). К сожалению, приведенная точка зрения не соответствует буквальному толкованию понятия хищение, данному в примечании к ст. 158 УК РФ. Представляется, что законодатель, ставя между изъятием и обращением разделительный союз «или», допустил возможность совершения хищения только путем обращения имущества в пользу виновного и других лиц. Довод о том, что союз «или» использовался для того, чтобы подчеркнуть противоправный характер и изъятия, и обращения, выглядит несколько надуманным. Несоответствие легального описания объективной стороны хищения его реальному механизму, по нашему мнению, является аргументом в пользу необходимости законодательного реформирования п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ.

При совершении мошенничества потерпевший под воздействием обмана либо сам передает имущество виновному, либо не препятствует виновному его забрать. В последнем случае изъятие производится посредством совершения активных действий виновным. В первом же случае активные действия, связанные с непосредственным исключением похищаемого имущества из сферы имущественного обладания потерпевшего, совершает сам потерпевший, но говорить об отсутствии изъятия при таких обстоятельствах нельзя. Представляется возможным в данном случае провести параллель с передачей имущества потерпевшим по требованию преступника при разбое или насильственном грабеже. И в том и в другом случае потер-

певший под воздействием преступника сам передает ему имущество, и в обоих случаях действует не по доброй воле. Разница лишь в том, что при мошенничестве воля преступника искажена обманом, а при разбое или насильственном грабеже сломлена насильем или угрозами его применения. При таких обстоятельствах отрицание наличия изъятия имущества при мошенничестве означает отрицание его наличия и в приведенных примерах разбоя и грабежа.

Общим признаком изъятия и обращения, исходя из легального определения хищения, является его противоправность. Трудно не согласиться с С.А. Елисеевым, считающим данный признак излишним [3. С. 36]. Очевидно, что противоправность является признаком любого преступления и какой-либо необходимости в указании на данный признак в легальном определении хищения не имеется.

Следующим признаком хищения является безвозмездность его изъятия. Данный признак означает, что имущество исключается из имущественной массы потерпевшего без предоставления ему соразмерного эквивалента. В литературе также встречается точка зрения, согласно которой данный признак является излишним. Так, С.М. Кочои пишет об отсутствии необходимости включения в определение хищения признака безвозмездности, кроме прочего потому, что на безвозмездность указывает общественно опасное последствие, характерное для хищения (реальный ущерб), которое не может наступить при возмездном завладении чужим имуществом [11. С. 103]. На наличие взаимосвязи между безвозмездностью и ущербом указывает и П.С. Яни [12].

Очевидно, что безвозмездным является изъятие чужого имущества без предоставления потерпевшему чего-либо взамен. Сложнее обстоит дело, когда речь идет об изъятии чужого имущества с предоставлением взамен иного имущества. Такая ситуация нередко имеет место при совершении мошенничества, например, когда преступник использует в качестве способа совершения преступления обман, передавая за плату потерпевшему товар, явно не соответствующий заявленной стоимости ввиду отсутствия нужных покупателю характеристик, однако имеющий какую-то цену. Пленум Верховного Суда РФ признал наличие в таком случае безвозмездности изъятия [13]. Предпринималась попытка оспорить конституционность положений закона в этой части, но Конституционный Суд РФ не нашел оснований для вмешательства [14]. Довольно точно, на наш взгляд, определил безвозмездность изъятия П.С. Яни, указавший, что признак безвозмездности должен пониматься как «отсутствие в момент изъятия имущества, направленного на причинение собственнику (владельцу) имущества ущерба, эквивалентного возмещения» [15].

В случае если собственнику (иному владельцу) имущества был представлен эквивалент изъятого, признак безвозмездности отсутствует. Таким эквивалентом может быть имущество (например, деньги вместо изымаемой индивидуально определенной вещи), право на имущество, а также иные действия имущественного характера, например, трудозатраты или услуги. Так, признак безвозмездности будет отсутствовать в том случае, если лицо, организовав

фиктивное трудоустройство в организацию, скажем, своего родственника, получало за него заработную плату, но при этом выполняло тот объем работы, который должен был бы выполнить фиктивно трудоустроенный родственник.

Отметим, что, исходя из буквального толкования п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ, безвозмездность является признаком только изъятия, но не обращения. Как следует расценивать такую формулировку? Если это означает, что по замыслу законодателя хищение, совершенное только путем обращения чужого имущества, может быть безвозмездным, то каким образом в таком случае причиняется ущерб собственнику или иному владельцу имущества? Если же это означает, что хищение предполагает обязательное наличие безвозмездного изъятия чужого имущества, то непонятно для чего в легальном определении хищения между изъятием и обращением поставлен разделительный союз «или»? Очевидно, что данная формулировка является еще одним недостатком легального определения хищения, затрудняющим уяснение его содержания.

Обращение чужого имущества при хищении может производиться как в пользу виновного, так и в пользу других лиц. И если с обращением похищаемого имущества в пользу виновного все более или менее ясно, то включение в легальное определение указания на возможность обращения изъятого у потерпевшего имущества в пользу других лиц вызывает споры. Ряд авторов [16. С. 10–11; 17] полагают, что такое указание, по сути, означает законодательное закрепление «бескорыстного хищения». Действительно, закон не делает каких-либо ограничений относительно круга лиц, в пользу которых может быть совершено обращение изъятого при хищении имущества, что в свою очередь означает возможность признания хищением обращение виновным имуществом в пользу лиц (в том числе юридических), материальное положение которых для виновного безразлично (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»).

В науке уголовного права традиционно считается, что хищение может быть совершено только путем совершения действий. Данное утверждение принимается, как правило, аксиоматично, в связи с чем глубокому анализу не подвергается. Так, например, Н.А. Лопашенко пишет: «...невозможно себе представить хищение, вымогательство или угон, совершенные путем бездействия» [2. С. 57]. С.М. Кочои утверждает, что «хищение... всегда активное поведение» [18]. Между тем признать справедливость приведенных утверждений можно не всегда. Безусловно, в случаях, когда предметом хищения является имущество, имеющее материальную форму, похитить его без совершения каких-либо действий невозможно. Но аналогично ли складывается ситуация, когда предметом хищения является имущество, материальной формы не имеющее, например, безналичные денежные средства?

Так, если способом совершения мошенничества является не активный, а пассивный обман, представляю-

щий собой бездействие, действия виновного могут быть связаны только с получением имущества от потерпевшего (например, получение излишне выданной сдачи у продавца, предоставление реквизитов банковского счета для перечисления безналичных денежных средств). В том же случае, когда при совершении хищения безналичных денежных средств реквизиты банковского счета виновного были известны потерпевшему до начала реализации объективной стороны преступления (например, были переданы виновным потерпевшему ранее при совершении правомерных действий), а мошенничество совершается путем пассивного обмана, на стадии изъятия имущества виновным никаких действий не совершается. Например, предприниматель узнает о том, что его контрагент, который ранее неоднократно перечислял безналичным путем денежные средства на его расчетный счет, допустил опечатку в платежном поручении банку, в результате которой сумма, которая действительно должна была быть ему перечислена, была увеличена в десять раз. Решив похитить денежные средства контрагента, он, действуя недобросовестно (а значит, в нарушение норм гражданского законодательства, например, ч. 4 ст. 1, ч. 1 ст. 10 ГК РФ и др.), не сообщает ему о выявленной ошибке, в результате чего безналичные деньги списываются банком со счета контрагента и зачисляются на счет виновного. Заканчивается изъятие

безналичных денежных средств их списанием с банковского счета потерпевшего, обращение похищенных денежных средств производится путем их зачисления на банковский счет виновного, при этом никаких действий со стороны самого виновного не требуется. Таким образом, в процессе реализации всей объективной стороны хищения ни одного телодвижения виновный не совершает и никому никакую информацию не передает. Очевидно, что назвать такое преступное деяние действием нельзя, поскольку у него отсутствует как материальное, так и идеологическое содержание. Квалифицировать данное деяние не как мошенничество, а, например, как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), равно как и считать его вообще уголовно ненаказуемым, оснований нет, поскольку все признаки хищения здесь имеют место. Остается только одно, признать, что в данном случае хищение было совершено путем бездействия. Уголовный закон не содержит указаний на то, что хищение может быть совершено только посредством совершения действий. Более того, законодатель прямо описал в законе случай мошенничества, который, как правило, и совершается путем бездействия. Речь идет о мошенничестве при получении выплат, совершенном путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1990. 921 с.
2. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М. : Норма ; Инфра-М, 2012. 528 с.
3. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 176 с.
4. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2002. 775 с.
5. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М. : Норма, 2001. 960 с.
6. Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. Н.Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2011. 184 с.
7. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс: в 4 кн. Кн. II: Общая теория хищений. Виды хищений. М. : Юрилитинформ, 2019.
8. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части : краткий курс. М. : КОНТРАКТ ; Волтерс Клувер, 2010. С. 190, 192.
9. Уголовное право: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л.Д. Гаухмана. М. : Юриспруденция, 1999.
10. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010.
11. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М. : Профобразование; АНТЕЯ, 2000.
12. Яни П.С. Квалификация хищений: момент окончания, безвозмездность, ущерб // Законность. 2015. № 12. С. 43–47.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 № 1037-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Яни П. Понятие хищения конституционно // Закон. 2011. № 1. С. 43–51.
16. Уланова Ю.Ю. Общие признаки хищения в составе кражи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
17. Скляр С. Неопределенность понятия и однозначность нормы // Правосудие в Восточной Сибири. 2002. № 1–2. С. 5–6.
18. Кочои С.М. Новые нормы о мошенничестве в УК РФ: особенности и отличия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 104–110.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 мая 2019 г.

The Content of the Terms “Seizure” and “Appropriation” of Another’s Property as Elements of the Objective Side of the Theft

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 202–206.

DOI: 10.17223/15617793/446/26

Andrey V. Arkhipov, Tomsk Regional Court (Tomsk, Russian Federation); West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aav180@mail.ru

Keywords: theft; seizure; appropriation; action; inaction.

The article is devoted to the problem of clarifying the content of the concepts “seizure” and “appropriation”, with the help of which the legislator determines the criminal act in the legal definition of theft referred to in Paragraph 1 of the Note to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of the chosen topic is due to recent significant changes in the under-

standing of the objective side of theft. The changes were caused by the expansion of the subject matter of the crimes under consideration at the legislative and law enforcement levels. In the article, the author aims to identify the indicated changes and, with their consideration, to determine the current content of the terms in question. On the basis of the dialectical method, analysis, synthesis and specific legal methods (formal legal, historical), the author conducts a study of current laws and court practice, studies approaches to solving the designated problem in the science of criminal law. The author states that the legislator's refusal of the obligatoriness of the proprietary (physical) attribute of property as the subject of theft entailed changes in the understanding of the content of the terms "seizure" and "appropriation" during theft. The original meaning of the term "seizure", given by the legislator at the time of the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation, was to simply move the stolen thing in space by the offender. In recent years, the content of the term "seizure" has become significantly wider. So, in case of theft of non-cash money their seizure is understood as writing off these funds from the victim's account; in case of theft of personalized securities and receivables seizure should be considered as signing an agreement on assignment of claim; in case of theft of order securities seizure occurs by means of putting endorsement on them. Appropriation is understood as establishment of the actual illegal possession by the offender of another's property, replacement of the owner or the legal possessor by the illegal user. A conclusion is made that seizure of another's property is inherent in any theft, since in any form theft it implies the reduction of the owner's property. However, the legislator used the disjunctive conjunction "or" between seizure and appropriation in the legal definition of theft, thus allowing for a possibility of committing theft only by appropriating another's property in favor of the offender and other persons. The inconsistency of the legal description of the objective side of theft with its real mechanism is an argument in favor of the need for a legislative reform of Paragraph 1 of the Note to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. Besides, a conclusion is substantiated that seizure and appropriation of another's property in theft can be made by inaction in certain cases.

REFERENCES

- Ozhegov, S.I. (1990) *Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov* [Dictionary of the Russian language: 70,000 words]. Moscow: Rus. yazyk.
- Lopashenko, N.A. (2012) *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Property infringement]. Moscow: Norma; Infra-M.
- Eliseev, S.A. (1999) *Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii (voprosy teorii)* [Crimes against property under the criminal law of Russia (theory issues)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Boytsov, A.I. (2002) *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes against property]. St. Petersburg: Yurid. tsentr "Press".
- Kozachenko, I.Ya. et al. (eds) (2001) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. Special part]. Moscow: Norma.
- Karpova, N.A. (2011) *Khishchenie chuzhogo imushchestva: voprosy kvalifikatsii i problemy differentsiatsii ugovolnoy otvetstvennosti* [Theft of another's property: qualification issues and problems of differentiation of criminal liability]. Moscow: Yurisprudentsiya.
- Lopashenko, N.A. (2019) *Prestupleniya protiv sobstvennosti. Avtorskiy kurs: v 4 kn.* [Crimes against property. An authorial course: in 4 books]. Book II. Moscow: Yurlitinform.
- Kochoi, S.M. (2010) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chastii: kratkiy kurs* [Criminal law. General and special parts: A short course]. Moscow: KONTRAKT; Volters Kluver.
- Gaukhman, L.D. (ed.) (1999) *Ugolovnoe pravo: v 2 t.* [Criminal law: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Yurisprudentsiya.
- Brilliantov, A.V. (ed.) (2010) *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal law of Russia. General and Special Parts]. Moscow: Prospekt.
- Kochoi, S.M. (2000) *Otvetstvennost' za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti* [Responsibility for mercenary crimes against property]. Moscow: Profobrazovanie; ANTEYa.
- Yani, P.S. (2015) Classification of thefts: time of termination, gratuitousness, damage. *Zakonnost'*. 12. pp. 43–47. (In Russian).
- Konsul'tantPlyus. (2017) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 № 48 "O sudebnoy praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 of 30 November 2017 "On court practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
- Konsul'tantPlyus. (2009) *Opreделение Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 № 1037-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации"* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1037-O-O of 02 July 2009 "On the refusal to accept for consideration a complaint of a citizen Mikhail Borisovich Khodorkovsky about the violation of his constitutional rights by Article 160 and Note 1 to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
- Yani, P. (2011) Ponyatie khishcheniya konstitutsionno [The concept of larceny is constitutional]. *Zakon*. 1. pp. 43–51.
- Ulanova, Yu.Yu. (2011) *Obshchie priznaki khishcheniya v sostave krazhi* [General signs of larceny as part of theft]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
- Sklyarov, S. (2002) Neopredelennost' ponyatiya i odnoznachnost' normy [Uncertainty of the concept and the unambiguity of the norm]. *Pravosudie v Vostochnoy Sibiri*. 1–2. pp. 5–6.
- Kochoi, S.M. (2013) New regulations on fraud in the Criminal Code of the Russian Federation: special features and distinctions. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 4. pp. 104–110. (In Russian).

Received: 21 May 2019